

ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ МЕСТА ЦЕРКВИ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Прежде, чем приступить к разговору о задачах Церкви в социальной работе, необходимо указать, что цель христианской жизни — святость. Святость состоит в обретении Духа Святого. Обретение Духа Святого связано с должным образом жизни — благочестием. И никакое знание, даже сакральное, не может этого компенсировать, а в определенном контексте может даже навредить. Это — справедливо и в обратной ситуации: для неправильно понятой практики аскезы. Уместно вспомнить высказывание Клайва Льюиса: «Аскетизм как средство полезен, как цель — опасен».

На основании вышеизложенного сформулируем первый тезис: если христианин — это аскет (от греч. *askesis* — упражнение, подвиг), христианство — это практика, а не теория, то становится понятно, почему в христианской жизни всегда на первом месте — пост, молитва, послушание то есть подвиг.

Идеал святости и подвига исторически вырабатывался, в первую очередь, в монашеской среде. Но если в Египте на заре христианства первоустроителям монашества был свойственен массовый уход от общественной жизни, то русское монашество всегда было тесно связано с государством и мирским обществом, условия жизни и социальный порядок которого различными сторонами отражались на монастырском образе жизни.

У истоков русского монашеского движения стоят две фигуры: преп. Антоний и Феодосий Печерский. Это были подвижники разных типов: преп. Антоний был созерцатель-отшельник, а преп. Феодосий Печерский, соединив с созерцанием выдающийся практический и организаторский талант, выступил законодателем русского монашества. При этом уход от мира не только не предполагал

игнорирование нужд мирян, но рассматривался как наилучшая позиция в разнообразном попечении за их спасение.

Русский историк Церкви Иван Михайлович Концевич (1893-1965) подчеркивает, что, прежде всего, подвижник считает обязанностью монаха *молиться за мирян*. Вторая обязанность инока быть *учителем мирян*. Учительность проявлялась в обличении мирской неправды. Третья форма служения миру, которую показал и на своем примере отец русского монашества, — *заступничество* или печалование. Четвертая форма, в которой проявлялось служение его в миру, — *благоворительность*¹.

Если западный подвижник шел в мир, и цель его миссионерской деятельности заключалась в проповеди Евангелия некрещеным и назидании слабо-верующих, то восточный подвижник убегал от мира, думая, прежде всего, о спасении своей грешной души путем достижения духовного совершенства, любая другая деятельность была лишь следствием этой единственной цели — спасения души. Причем, иноки-подвижники восточного типа не спешили обращаться к миру и после того, как достигали духовной зрелости. «Мир» сам устремлялся к ним, увидев славу их праведного жития. В житиях иноков люди видели тот подвиг, суть которого сводится к одному: «не любите мира, ни того, что в мире», а вовсе не заключается в наставлениях о том, как благоустроить земную жизнь.

Сформулируем второй тезис: проповедь примером важнее, чем проповедь назиданием.

Уже первые монахи, появившиеся на Руси, оказывали влияние на людей тем, что они проповедовали Евангелие именно путем убеждения и личного примера. Отмечено, что с самых первых веков христианства на Руси «сборники житий святых, проникнутые самой возвышенной поэзией отшельнической жизни, были любимым чтением наших предков. Они заучивались наизусть и мало помалу входили в воззрения и убеждения народа»².

Представляется возможным сказать, что до эпохи Петра I проповедовали не столько назидательным словом, сколько личностным примером. Историкам отмечено, что проповедь, распоряжением свыше, стали вводить только во времена патриарха Никона, «что

---

¹ Концевич И. М. Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси. — М., 2009. — С.124.

² Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности. — Leipzig, 1970. — Т. 2. — С. 231-232.

вызывало отпор со стороны русского человека, привыкшего живое слово воспринимать только в частных беседах со своим духовником.... Проповедь тех времен едва ли много была способна говорить живому сердцу, будучи проникнута искусственностью и являясь по существу своему, уже не «гомилелей», в точном смысле этого слова, которым нарочитое «ораторство» упразднялось, а произведением именно ораторского искусства, да еще в его худших формах, выспренних, условных и холодных»¹.

Проповедь через пример, а не через слово восходит к апостольским временам. Апостолы — миссионеры проповедовали Евангелие примером своей жизни и при этом они ни разу не ссылались на знаменитую Нагорную Проповедь Христа, ни разу не говорили "Как наставлял учитель". Личность самого Христа, а не его учение ставили во главу угла своей миссионерской деятельности апостолы. На этот факт в отечественной православной словесности обратил внимание о. Андрей (Кураев): «Ни проповедь Стефана в день его мученической кончины, ни обращение Петра в день Пятидесятницы не содержит ссылок на Нагорную проповедь. Павел и Иоанн формулируют керигму, не обращаясь не только к учению, но и к жизни Иисуса»². И далее Андрей Кураев пишет: «Евангелие Христа ... несет Весть о Личности, а не о концепции. ... И в общении со своими учениками Христос не приводит доказательств, не требует от них умственного напряжения, не рисует им системы мироздания или религиозной жизни. Он проповедует не Свои убеждения, а Себя Самого»³.

Третий тезис можно сформулировать так: в определенном плане можно сказать: важно не чему учит Учитель, а то кем он сам является.

«За кого они почитают Меня?», — спрашивал Христос своих учеников. И это понятно, если учесть то, что вхождение в святость совершается через Христа, за счет преодоления противостояния духовного и телесного. А в таком случае практика христианской аскезы, а точнее, овладение навыком этой практики является куда более

---

¹ Архим. Константин. Пастырское богословие. Курс лекций, читанный в Свято-Троицкой Духовной Семинарии. — Ч. I. — Джорданвилль, N.Y., 1960. — С. 162-163.

² Диакон Андрей (Кураев). Традиция. Догмат. Обряд. Апологетические очерки. — М., 1995. — С. 96.

³ Там же. С. 107.

важным, чем эрудиция и риторическая подготовка. В современных религиозных школах (наверное, всех уровней) приходится постоянно преодолевать искус подмены идеи святости идеей абстрактной учености. Зададимся риторическим вопросом: выпускник религиозной школы — это, в конечном итоге, профессионал или пастырь? Если выпускник религиозной школы в конечном итоге — пастырь, то от него уместно ожидать воспитательного воздействия на своих прихожан, на мирское общество в целом. Еще в начале XX века профессор Воронежской Духовной Семинарии П. Никольский советовал следующее: «...чтобы полемика апологетов православия привлекла к себе внимание интеллигенции, необходимо, чтобы она кроме своих литературных и научных достоинств, не была оторванной от жизни. Мало написать толковое опровержение лжи, надо на деле, в жизни показать значение истины... Для этого не нужно быть богословом, а нужно быть только христианином с живою верой... В своей жизни, на деле, а не в одном слове, мы должны показать, что мы христиане и что наше исповедание самое чистое и святое»¹.

Конечно, надо учитывать и другую крайность, если не сказать больше — ересь, в современной православной жизни: гносеомахию — войну против познавательных усилий человека в вопросах веры. Церковь чтит в своем культе как подвижников (к примеру, Николая Чудотворца, Спиридона Тримифунтского и др.), так и «учителей» (Василия Великого, Златоуста и др.), но в России народное почитание всегда было на стороне тех подвижников, которые продемонстрировали подвиг мученичества, а не подвиг интеллектуального достижения.

Надо указать на тот факт, что именно мученики составляют древнейший разряд святых, прославляемых Церковью. «Именно мученичество — пишет В.М.Живов, специально разбирая этот вопрос, — более всего способствует распространению Церкви... Первое распространение Церкви соотнесено с мученичеством св. Стефана, этим мученичеством было подготовлено и обращение апостола Павла. Одиннадцать из двенадцати апостолов (кроме апостола Иоанна Богослова) закончили жизнь мученическим подвигом»².

---

¹ Никольский П. Интересы и нужды епархиальной жизни. — Воронеж, 1901. — С. 14.

² Живов В. М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. — М., 1994. — С. 59.

Представляется возможным сказать, что в Русской Православной Церкви все отечественные святые — подвижники. Еще больше — прославленных мучеников. Полный суммарный список всех русских святых канонизированных с X по XX век дать очень проблематично. В виду того, что такой подсчет предполагает учет огромного количества поправок и составляющих. Тем не менее, представляется возможным сказать, что общая доля прославленных за мученичество в Русской Православной Церкви больше совокупной доли святых всех остальных категорий — преподобных, святителей, блаженных, равноапостольных.

Если наш ход рассуждений верен и способ социального служения и миссионерства — пример, то целый ряд сугубо «технических» вопросов должен быть вне внимания Церкви. Иначе говоря, Церкви не свойственна многопопечительность. Неслучайно сказано в «Основах социальной концепции» Русской Православной Церкви: «Церковь не должна брать на себя функции, принадлежащие государству» (III.3).

Социальная деятельность может быть весьма различной и диверсифицированной, поэтому задача состоит в том, чтобы Церковь (в лице приходо- и монастырских структур) смогла сохранить все те смыслы пастырского служения, что свойственны именно ей и в модусе своего действия не уподобилась бы какой-либо светской структуре — больнице или ночлежке. На эту проблему указывали еще в начале XX века¹.

В виду этого сформулируем наш вопрос: не состоит ли задача Церкви в социальной работе, прежде всего, в том, чтобы дать обоснование мотива самой работы? Такой вопрос возникает с учетом необходимости различия церковных и государственных задач в социальной работе.

В «Основах социальной концепции» РПЦ указано, что «христианин должен видеть мир и общество в свете его конечного предназначения, в эсхатологическом свете Царства Божия», при этом «духовенство, монашествующие и миряне могут по — разному и в разной степени осуществлять такое участие» (1.3). Их различие даров задает и различие служений, однако в тех же «Основах» четко сформулировано, что «целью Церкви является вечное спасение людей, цель государство заключается в их земном благополучии»

---

¹ Митр. Антоний (Храповицкий). Пастырское богословие. — Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1994. — С. 194.

(III.3). Это различие целей задает различие в модусе и функциях *социального служения* Церкви и *социальной работы* государственных учреждений.

Четвертый тезис можно сформулировать следующим образом: Церковь обеспечивает *мотив* социального служения, а государство и общество дают *структуру* для этой работы.

Повторим крайне важное положение из «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви»: «целью Церкви является вечное спасение людей, цель государство заключается в их земном благополучии» (III.3). Это четко сформулированное положение, можно, в порядке дискуссии, развить следующим образом: если Церковь, По-преимуществу, озабочена самим фактом подвижничества, то от государство, логично ожидать помощи в создании материального основания для этого подвижничества. В качестве примера такого функционального и ролевого единства можно указать на функционирование русских православных монастырей на Афоне, куда даже землю доставляли на кораблях императорского флота России. Лишенные же, после революции, материальной поддержки со стороны государства, русские православные монастыри на Афоне пришли в упадок. Случай с Афонскими монастырями является наглядным примером того положения, что в наше время самокупающийся монастырь в принципе реален, но такой монастырь вряд ли сможет преуспеть в диверсифицированной социальной работе.

Союз Церкви и Государства/Общества в социальной работе не снимает их различия к действиям паствы — это различие ярко проявляется в подходе к пожертвованиям. Церковь, конечно, заинтересована в оптимальном обороте жертвуемых средств, но не это есть предмет ее ответственности. Именно поэтому Церковь в осуществлении диверсифицированной социальной работы может решать свои задачи только при поддержке государства и общества. Эта поддержка Церкви не должна сводиться только к финансовой помощи, т.к. в ряде случаев Церковь может обходиться и без нее, но информационная, правовая, структурная поддержка со стороны государства должна оказываться.

Необходимость личного примера, так или иначе, понимается в современной Церкви. Председатель Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению РПЦ епископ Пантелеймон Шатов указывает: «Социальную деятельность нельзя навязать сверху, по приказу, как организуют армию. Но ее

можно и нужно вдохновить, поддержать ... Это понимает Святейший Патриарх <Кирилл>, который, посещая социальные учреждения, говорит о том, что его побуждает к этому его сердце. Ему необходимо находиться рядом с этими нуждающимися людьми. А если кто-то последует его примеру, он будет очень рад. Но он не приказывает всем архиереям обязательно пойти на Пасху в детский дом или обязательно пойти к бездомным. Он сам это делает и ждет, что другие, увидев этот пример, последуют ему»¹.

В истории Русской Православной Церкви есть яркий пример монастыря широко использовавшего практику благотворительности — это Волоколамский монастырь Иосифа Волоцкого. Однако своему материальному преуспеванию этот монастырь обязан не предпринимательским усилиям Иосифа Волоцкого, а тому образу жизни, который демонстрировал преподобный отец Иосиф. Пожертвования в монастырь были обусловлены тем, что власть имущие видели личность самого Иосифа Волоцкого, его подвиг. Это можно установить уже через агиографическое описание его жизни: земля, на которой был основан монастырь была *подарена* Иосифу князем Борисом Васильевичем Волоколамским, он же дал для создания монастыря рабочие руки и обязался кормить первых насельников обители. Сам Иосиф Волоцкий не занимался многопечительством. В работе о жизни Иосифа, написанной в XIX веке, подробно описаны действия Иосифа как игумена монастыря в дни голода и неурожая². Из описательного материала, представленного в ней, можно уверенно сделать вывод, что Иосиф являет собой не пример хозяйственной рачительности, а пример личного подвижничества в деле помощи ближним. Именно личность самого Иосифа Волоцкого лежала в основе хозяйствования его монастыря.

Таким образом, мы можем сформулировать пятый тезис: в основе социальной работы Церкви лежит не организация, а личность самого священника(и шире — воцерковленного христианина).

Еще на рубеже XIX-XX веков в Соединенных Штатах Америки в разгар обострения «рабочего вопроса» возникла доктрина *социального евангелизма*, исходившая из призыва «не добиваться справедливости, а демонстрировать ее». Существует сфера человеческо-

---

¹ Прот. Аркадий Шатов Главный признак церковной общины — любовь // Журнал Московской патриархии. — 2010. — № 7. — С. 54.

² Хрущев И. Преподобный игумен Иосиф Волоцкий. — СПб., 1856. — С. 52.

го поведения, где важно согласовать не убеждения, не принципы, а образцовые модели поведения и мотивации. Это — сфера человеческого поведения связанная с приватной жизнью человека. В приватной жизни действует логика, отличная от логики убеждений и принципов: логика образца. В приватной жизни важно согласовать не убеждения, не принципы, а образцовые модели поведения и мотивации. Поэтому авторы доктрины *социального евангелизма* в своем решении «рабочего вопроса» исходили из того, что служителям Церкви справедливости надо не добиваться, а демонстрировать ее своим примером.

Конечно для воцерковленного христианина, а тем более добросовестного пастыря почти немислимо исполнить «все повеленное» уставом. Решение, предлагаемое выдающимся русским богословом XX века митр. Вениамином (Федченковым) состоит в том, чтобы и в общем руководстве и в богослужении не проявлять своей личности, а опять демонстрировать (разрядка наша — Авт.) естественную «простоту» и скромность поведения¹.

Очень важным является замечание Елены Анисимовой, психолога Новотроицкой Воспитательной колонии в Республике Марий Эл, о конкретном опыте воздействия студентов Духовной Академии своим примером на колонистов: «Студенты, которые приезжали к нам в колонию, жили вместе с нашими воспитанниками, спали на тех же кроватях, ели из тех же мисок ту же самую пищу и жили по тому же расписанию. Кроме того, у них были еще и свои обязанности. Они вставали раньше, а ложились намного позже, много работали. Это было молчаливое воспитание личным примером. .... Студенты, прожив несколько недель бок о бок с нашими ребятами, открыли им глаза. Колонисты увидели, что можно строить отношения между людьми совершенно иначе. Ведь к нам очень многие приходят из того мира, где существуют только клички, где унижение другого становится возможностью выжить и подняться выше. А ... студенты просто своей жизнью в колонии без громких фраз, без всяких лозунгов показали, что можно жить по-другому. И это было очень наглядно, очень доказательно, и это не забывается»².

---

¹ Митр. Вениамин (Федченков). Лекции по пастырскому богословию с аскетикой. — М., 2006. — С. 167.

² Практика тюремного служения. Материалы семинара. Московская духовная академия 18-19 сентября 2001 года. — Сергиев Посад, 2002. — С. 186.

Архимандрит Русской православной церкви за рубежом Константин Зайцев (1887-1975) писал, что «чем более современная жизнь, даже у людей, от Церкви не ушедших, удаляется от христианского аскетизма, тем более уверенно и прочно должен в нем утверждаться пастырь. ... Естественный путь для этого: постоянное осмысливание пастырем своего поведения». Он же задавался вопросом: «В каких формах должно протекать пастырское учение?» и сам отвечал: «В любых. Вся жизнь пастыря должна быть учением»¹.

Но что делать пастырю, если его жизнь не оправдывает учения, которое он проповедует?

На этот вопрос митрополит Вениамин (Федченков) ответил следующим образом. Помимо демонстрации примера христианину, а у митр.Вениамина речь идет прежде всего о священниках, необходимо еще обретать духовный *опыт*. Пример и опыт им соотносятся следующим образом: пример есть внешний факт, а опыт — внутренний материал для него; пример — проявление, а опыт — сущность.

Но здесь опять возникает вопрос: что же делать, если опыта еще нет или он слишком ограничен, как это наблюдается у только что принявших сан священства и, следовательно, не успевших еще приобрести нужного опыта?

Митр. Вениамин указывает, что понятие опыта широкое и в нем возможны многие ступени, начиная от простоты веры и до созерцания. «Поэтому всякий пастырь может обладать тем или иным опытом — нужно лишь жить живой жизнью и наблюдать ее над собой для научения и других. ... Следовательно, прямое решение этого вопроса заключается в том, чтобы пастырю самому стремиться к опытной жизни — возгревать дар благодати, полученной в хиротонии»².

Можно сказать, что это составляет специальную его задачу, а потому он и должен думать об этом. Причем, пастыря не должна пугать трудность задачи: от него ни Господь, ни паства не требуют, собственно, больше того, что он может дать, а давать, сколько может *по своим силам*.

Повторим то, с чего начали: священник оказывает воздействие не своими знаниями, а своей личностью, не умелой риторикой, а индивидуальной работой. Именно *создание условий для индивиду-*

---

¹ Архим. Константин. Пастырское богословие. Курс лекций, читанный в Свято-Троицкой Духовной Семинарии. — 1993. — С. 4, 148.

² Митр. Вениамин (Федченков). Лекции по пастырскому богословию с аскетикой. — С. 174.

альной работы является сейчас одной из важнейших задач нашей Церкви. Потребность в организации условий для индивидуальной работы духовника обусловлена крайне разнородным социальным составом прихожан в современной Церкви. Огромные различия среди прихожан по уровню восприятия затрудняют осуществлять успешную коллективную работу с прихожанами. Возможно, в качестве опыта, заслуживающего внимания, следует обратить внимание на практику в Греческой Православной Церкви, где священники только исполняют требы, а исповедь принимают специально назначенные епископом духовники. Однако и в этом случае, мы снова видим, какое значение имеет личность самого пастыря.

Литература

Архим. Константин. Пастырское богословие. Курс лекций, читанный в Свято-Троицкой Духовной Семинарии. — 1993.

Архим. Константин. Пастырское богословие. Курс лекций, читанный в Свято-Троицкой Духовной Семинарии. — Ч. I. — Джорданвилль, N.Y., 1960.

Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности. — Leipzig, 1970. — Т. 2.

Диакон Андрей (Кураев). Традиция. Догмат. Обряд. Апологетические очерки. — М., 1995.

Живов В. М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. — М., 1994.

Концевич И. М. Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси. — М., 2009.

Митр. Антоний (Храповицкий). Пастырское богословие. — Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1994.

Митр. Вениамин (Федченков). Лекции по пастырскому богословию с аскетикой. — М., 2006.

Никольский П. Интересы и нужды епархиальной жизни. — Воронеж, 1901.

Практика тюремного служения. Материалы семинара. Московская духовная академия 18-19 сентября 2001 года. — Сергиев Посад, 2002.

Прот. Аркадий Шатов Главный признак церковной общины — любовь // Журнал Московской патриархии. — 2010. — № 7.

Хрущев И. Преподобный игумен Иосиф Волоцкий. — СПб., 1856.

Диакон Василий (Герасимчук)

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

По определению Большой Советской энциклопедии «христианство — одна из так называемых мировых религий (наряду с буддизмом и исламом)... Основные ветви христианства: 1) католицизм; 2) православие; 3) протестантизм (включает три основных течения — лютеранство, кальвинизм, англиканство и большое число сект, многие из которых превратились в самостоятельные церкви, — баптисты, методисты, адвентисты и др.). Кроме того, христианство имеет и ряд более мелких ответвлений — монофизитство, несторианство и др.»¹. В нашей статье слово «христианство» будет использоваться в этом значении. Для анализа современного положения христианства на территории Белгородской области нам необходимо рассмотреть по отдельности православие, протестантизм и другие христианские исповедания. Как показывает официальная статистика на начало 2011 года католичество, как христианская

---

¹ Мчедлов М. П. Христианство // Большая Советская Энциклопедия. //URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Христианство/> (дата обращения: 16.05.2012).